

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СТАНОВЛЕНИЕ

из красноармейских за-
певал. Большое дарова-
ние, подлинный талант
в нашей стране не зате-
ряется никогда.

«Фуганком» называл
себя могучий сдобро-
вый старик Л. П. Рома-
нов — первый настав-
ник. У Леонида Петро-
вича постигал Ковален-
ко азы вокальной куль-
туры — той культуры,
восполнить отсутствие
которой не могли ни вы-
дающаяся сила звука,
ни природная красота
тембра. Романов не жа-
лел ни себя, ни ученика,
но из училища Николай
Коваленко вышел пев-
цом, вполне готовым к
поступлению на профес-
сиональную сцену.

НЕ ЗНАЮ, возможно ли в рус-
ском языке выражение «неслу-
чайная случайность», но употребить
его хочется: биография Николая Ва-
сильевича Коваленко богата эпизо-
дами именно такого рода.

Разве думал только что демобили-
зованный храбрый сержант, направ-
ляясь 27 апреля 1950 года в Самар-
ское к брату погостить, что улица,
на которой стоит районный Дом
культуры, приведет его в конечном
счете на оперную сцену? Конечно,
нет! Все получилось случайно: шел
мимо, услышал, что в Доме культу-
ры поют, поколебался — и зашел по-
слушать. Опять-таки случайно от-
сутствовал солист, запевавший пес-
ню, которую сержант знал и любил.
Решил помочь репетировать, спел. И
тем самым определил свою судьбу.

— Никуда мы тебя не отпустим, —
казали сержанту.

Потом, когда Николай уже рабо-
тал в райкоме комсомола и готовился
поступить в вечернюю школу, чтобы
в будущем стать учителем-истори-
ком, его голос совершенно случайно
услышала журналистка из ростов-
ской газеты «Молот».

— Вам надо учиться, Коваленко,
— убежденно сказала Зинаида Пе-
черская. — И не где-нибудь, а в муз-
училище.

Попробовал возражать — не выш-
ло. Печерская, приехав в райцентр
еще раз, увезла Николая Ковален-
ко в Ростов и добила зачисления
его в музыкальное училище.

И снова счастливая случайность:
старый педагог Л. П. Романов, в чей
класс он попал, в прошлом был из-
вестным певцом. Мало того, у Рома-
нова был баритон точно такого же
тембра, что и у Николая.

— В Коваленко я слышу себя, —
чувством говаривал Романов.

Вот ведь какие бывают случай-
ности!

Впрочем, они были совсем неслу-
чайными, эти «случайности». В том,
что запевавший сержант стал веду-
щим солистом оперного театра, нет
ничего удивительного, это законо-
мерно. Лемешев ведь тоже вышел

из партии Жермона в «Травиате»
и князя Игоря.

Мы не слышали, как пел Ковален-
ко — воин и Коваленко — студент.
Мы знаем уже сформировавшегося
солиста нашего театра, полноценно-
го оперного певца Николая Василь-
евича Коваленко, обладателя звуч-
ного, «летающего» баритона, свободно
чувствующего себя в пределах свое-
го диапазона. Хорошо владея во-
кальной техникой, он заставляет
слушателей забыть о ней и целиком
подчиниться обаянию его сильного,
выразительного голоса.

Что ж, наверное, это и зовется
мастерством...

НО НЕ ПОРА ЛИ рассказать и о
творчестве Н. В. Коваленко на
оперной сцене? Тем более, что рас-
сказать есть о чем — в репертуаре
артиста восемнадцать оперных парт-
тий, большинство которых входит в
золотой фонд мирового искусства.
Широкие вокальные возможности
Коваленко позволили ему исполнять
самые разноплановые партии. Елец-
кий в «Пиковой даме» — и Амо-
насро в «Аиде», Онегин — и Яго,
Фигаро — и Демон, Валентин в
«Фаусте» — и Риголетто, князь
Игорь — и Мазепа. Да, голоса ему
хватало, спору нет. Но чтобы соз-
дать на сцене полнокровный, убе-
дительный образ, надо обладать еще и
актерскими способностями. Ведь
сладкозвучный манекен не взволну-
ет, не растрожит сердца людей.
Каждый новый герой — это не
только вокальная партия, но и труд-
ная роль. Ее надо правдиво сыг-
рать. Над ней надо думать. Искать
яркие штрихи. Внутренне сростать-
ся с нею.

Бесспорно, нужно быть поистине
удивительным, необыкновенным ак-
тером, чтобы с одинаковым успехом
воплотить калейдоскоп человеческих

типов, которыми представлен репер-
туар Коваленко. Впрочем, Николай
Васильевич и не претендует на
столь пышные лавры. Но всякий
раз, работая над созданием нового
сценического образа, он упорно стре-
мится не только осмыслить, но и
прочувствовать характер, индиви-
дуальность и своеобразие роли.

Иногда это бывает очень трудно.
И верное решение отыскивается да-
леко не сразу.

Так было с «Флорией Тоской».
Скарпиа, начальник тайной поли-
ции. Каков он? Жестокий и подлый
изверг? Да, это так. Но с Тоской он
совсем иной, этот титулованный,
сластолюбивый итальянец. И еще:
Скарпиа — негодяй, но он в то же
время — сильная личность. Граней
много, и каждая должна заиграть
по-своему. И не только в игре, но и
в звучании. Чувство меры важно,
как никогда. Стоит чуть «пересо-
лить» — и образ потеряет свою яр-
кую выразительность.

Коваленко мучительно искал. И в
период постановочных репетиций, и
после, когда «Флория Тоска» уже
шла на куйбышевской сцене. Его
хвалили, но неудовлетворенность
не покидала артиста: Скарпиа был
«не тот». «Для этой партии у Кова-
ленко слишком красивый голос», —
объяснял рецензент, написавший о
премьере «Тоски». Но Николай Ва-
сильевич считал, что дело не в осо-
бенностях голоса.

Три человека творчески работали
над углублением сложного образа
Скарпиа: сам Коваленко, замеча-
тельный знаток вокала главный ди-
рижер С. С. Бергольц, опытный, ду-
мающий постановщик Г. М. Гелова-
ни, главный режиссер театра. Скар-
пиа менялся от спектакля к спек-
таклю...

Спросите сегодня у любого куй-
бышевца, завсегдатая оперы, какую

роль Коваленко он считает наиболее
удачной. Двое из трех ответят:
«Скарпиа».

Кстати, совсем недавно, во время
гастролей известного в стране тено-
ра В. Третьяка, мы все могли убе-
диться в этом: Скарпиа-Ковален-
ко был достойным партнером та-
лантливого гастролера, чье имя пе-
чаталось на наших афишах самыми
большими буквами.

ТАК было с «Тоской». Но разве
многим легче было работать над
«Демоном»? А купец Калашников,
последняя работа Коваленко? Слож-
нейший образ, над которым надо
еще трудиться и трудиться, ибо с
каждым спектаклем Коваленко яс-
нее и яснее понимал, что сделано,
увы, далеко не все и что нерешен-
ных творческих задач — не пере-
считать.

Порою над ними приходится креп-
ко призадуматься.

Например, во втором действии
«Купца Калашникова», в сцене раз-
говора с опозоренной опричником
Аленой. Прощает ли Калашников
жену? Судя по музыке — нет. А по
режиссерскому замыслу — должен
простить, ибо в этом случае жесто-
кая непримиримость Калашникова
дистанцировала бы с задуманным
образом властного, гордого, но глу-
боко «человечного человека», ре-
шающего мстить не только как о-
скорбленный муж, но как осознаю-
щая себя личность, чье достоинство
пытается грубо попирается.

— Или... — говорит Калашников
Алене. И для Коваленко это коро-
тенькое слово — одна из интересных
психологических задач, над которой
надо поразмыслить еще не раз.

НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ Б...
Самый могучий рычаг творчест-
ва каждого артиста. Это беспокой-
ное чувство хорошо знакомо Нико-
лаю Васильевичу Коваленко. Нет,
«знакомо» — не то слово. Он испы-
тывает это чувство всегда. И осо-
бенно, когда работает над своими
любимыми партиями.

Граф ди Луна в «Трубадуре»,
Демон, князь Игорь, Фигаро... «Тру-
бадур» дается легче, «Севильский
цырюльник» — много трудней. Но
Коваленко знает, что искусство —
безгранично. Даже самый большой

свой успех он расценивает лишь как
ступеньку к полному мастерству.
Он еще много должен достичь.
Многому научиться — и как профес-
сиональный певец, и, в особенности,
как актер, ищущий самые яркие и
свежие краски для каждой роли.
Николай Васильевич мечтает о но-
вых работах — ему хочется снова
спеть Елецкого и Онегина, попробо-
вать себя в партии Ренато в «Бал-
маскараде» Верди. И еще он думает
о том времени, когда он создаст на
оперной сцене полнокровный образ
советского человека, героя нашего
времени. Первый шаг сделан: Чиби-
сов в «Иване Шадрине» был этапом
в его творчестве на этом пути. Ско-
ро мы услышим Николая Василье-
вича в партии слесаря Чуркина в са-
тирической опере Левитина «Памят-
ник», над которой сейчас работает
коллектив театра. А потом...

Мы не станем ломать голову до-
гадками, какие новые искания и на-
ходки сулит будущее. Николаю Ко-
валенко. Но мы знаем, что наш ве-
дущий солист находится сейчас в
расцвете своих творческих сил. И
мы от души желаем ему успеха —
большого успеха, которого заслужи-
вает его яркое дарование.

Э. КОНДРАТОВ.

На снимке: Н. Коваленко в роли
графа ди Луна (Трубадур).